



ДМИТРИЙ ШПАРО

На лыжах
**по дрейфующим
льдам**



Дмитрий Шпаро

На лыжах по дрейфующим льдам

«Паулсен»

2026

УДК 910.4
ББК 26.8д(2)

Шпаро Д. И.

На лыжах по дрейфующим льдам / Д. И. Шпаро — «Паулсен»,
2026

ISBN 978-5-98797-467-4

Захватывающая книга известного полярного путешественника и исследователя, почетного полярника, заслуженного мастера спорта Дмитрия Шпаро рассказывает о пересечении на лыжах пролива Лонга и лыжном маршруте от острова Врангеля до советской дрейфующей станции «Северный полюс — 23». Дневники, документы и письма, которые цитирует автор, переносят читателя в 70-е годы прошлого века, когда группа Шпаро при поддержке газеты «Комсомольская правда» и нескольких научно-исследовательских институтов совершила, казалось бы, невозможные переходы по движущимся льдам Северного Ледовитого океана. Бесстрашие и целеустремленность, научные исследования, любовь к Арктике, братская полярная дружба — все это в полной мере присутствует в новой книге писателя. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 910.4
ББК 26.8д(2)

ISBN 978-5-98797-467-4

© Шпаро Д. И., 2026
© Паулсен, 2026

Содержание

Через пролив Лонга	6
Почему остров – Врангеля и почему пролив – Лонга?	7
Домодедово	16
Обязанности	17
Наполеон поселка Мыс Шмидта	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дмитрий Игоревич Шпаро

На лыжах по дрейфующим льдам

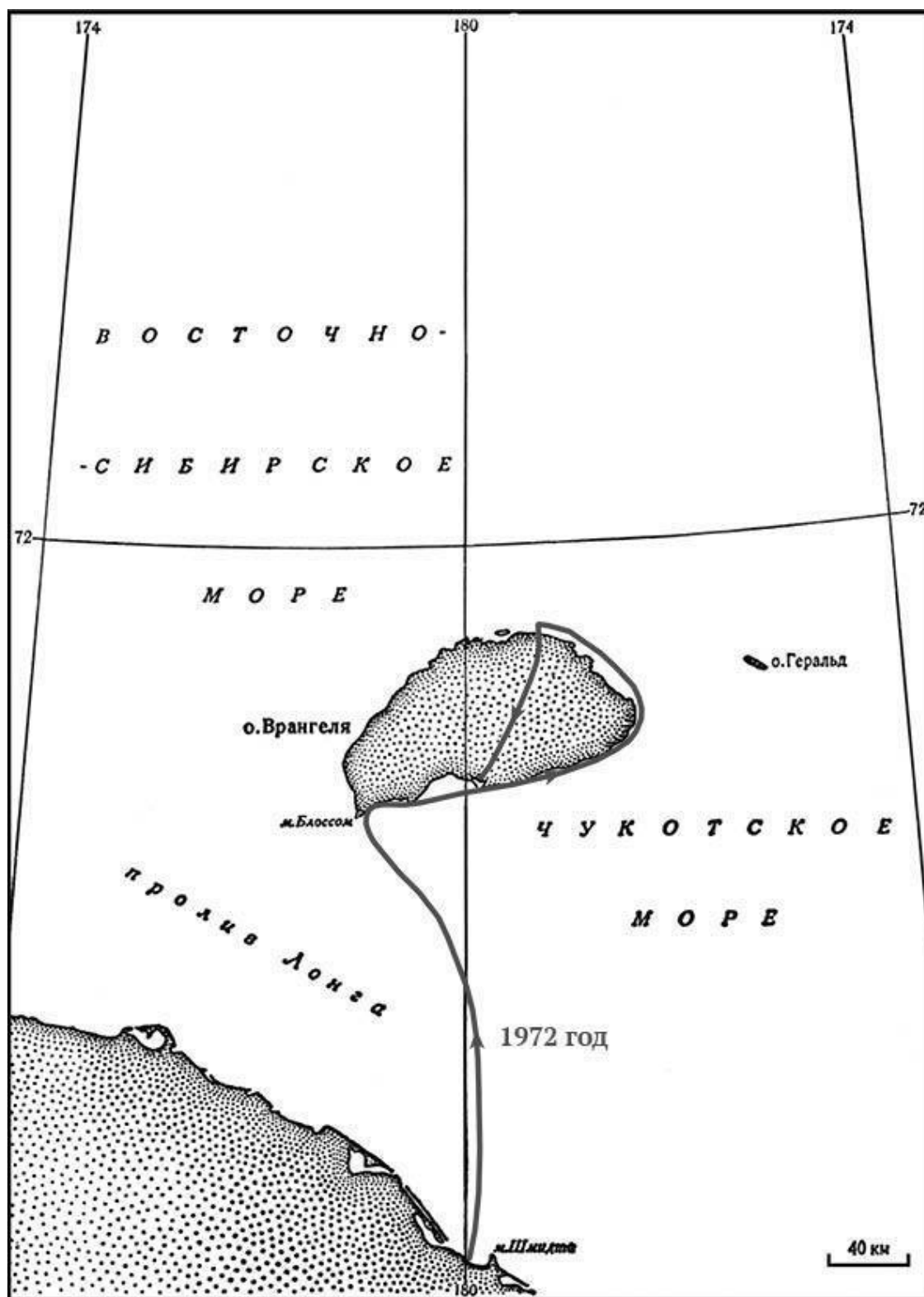
© Шпаро Д. И., текст, 2026

© ООО «Паулсен», макет, 2026

Через пролив Лонга



Почему остров – Врангеля и почему пролив – Лонга?



В приказе командира Шмидтовской объединенной авиаэскадрильи (ШОАЭ) С. М. Австриевского было написано: «В северо-восточный район Арктики прибыла экспедиция... с задачей – совершить пеший переход через пролив Де-Лонга на остров Врангеля».

Ошибка – не пролив Де-Лонга, а пролив Лонга. Ошибка распространенная, поэтому и фиксирую ее. Когда зимой 1972 года в Москве мы выступили с отчетом в Московском филиале Географического общества СССР, то в стенограмме стояло: «пролив Де Лонга».

Американский лейтенант Джордж Де-Лонг – капитан судна «Жаннетта». В честь Де-Лонга названа группа из пяти островов к северо-востоку от Новосибирских островов. С острова Генриетты, входящего в архипелаг Де-Лонга, мы ушли в 1979 году к Северному полюсу.

Томас Лонг – китобой, капитан барка Nile («Нил»), тоже американец. В августе 1867 года он прошел неизвестным проливом, получившим впоследствии название пролив Лонга. Таинственную горную местность на севере открыватель пролива назвал островом Врангеля.

Хорошо известно, что Фердинанд Петрович Врангель предсказал существование острова и даже изобразил его на своей карте. И вот что поразительно! Томас Лонг поклонился русскому адмиралу вовсе не за его предвидение, а из желания *«принести должную дань уважения человеку, который 45 лет тому назад доказал, что полярное море открыто»*¹. Лонг имел в виду не замерзающее даже в зимнее время пространство воды – Великую Сибирскую полынью, обнаруженную русским исследователем.

Петербургское начальство предписало лейтенанту Врангелю изучить берега Полярного океана от устья Колымы на восток и затем идти на *«север, к открытию обитаемой земли, находящейся, по сказанию чукчей, в недалеком расстоянии»*².

В марте 1823 года Врангель прибыл на мыс Шелагский. Здесь на вопрос, существует ли земля в море, чукотский старшина ответил:

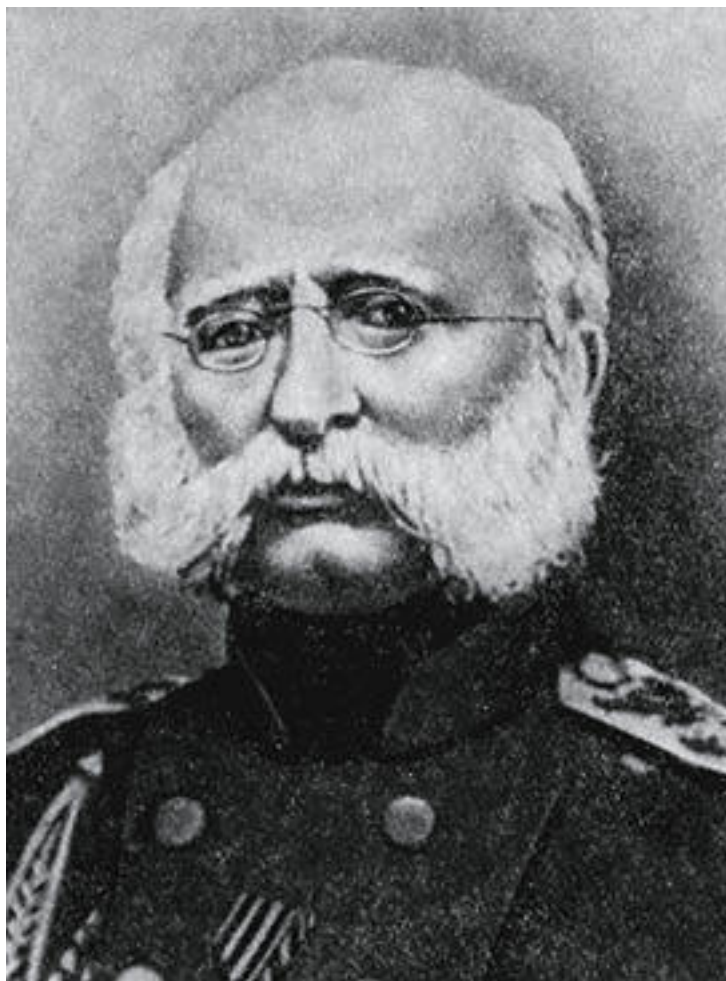
*«Между мысом Ерпи (Шелагским) и Ир-Кайпио (Северным)³ ... с невысоких прибрежных скал в ясные летние дни бывают видны на севере, за морем, высокие снегом покрытые горы, но зимой, однакож, их не видно. В прежние годы приходили с моря, вероятно, оттуда, большие стада оленей, но, преследуемые и истребляемые чукчами и волками, теперь они не показываются»*⁴.

¹ Топонимика морей Советской Арктики. – Л., 1972. – С. 271.

² Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. – [М.]: Изд-во Главсевморпути, 1948. – С. 98.

³ Ныне – мыс Шмидта. – Прим. ред. цитируемого издания.

⁴ Врангель, 1948. С. 296.



Ф. П. Врангель. (Из книги: Давыдов Ю. В. Фердинанд Врангель. М.: Географгиз, 1959).

Более чем уверенный в скором счастливом открытии, лейтенант выступил в путь. Отряд преодолел 150 километров, однако впереди плескалась вода. Врангель пишет:

«Мы влезли на самый высокий из окрестных торосов в надежде найти средство проникнуть далее, но ... увидели только необозримое открытое море. Величественно-ужасный и грустный для нас вид! На пенящихся волнах моря носились огромные льдины и, несомые ветром, набегали на рыхлую ледяную поверхность, по ту сторону канала лежащую...

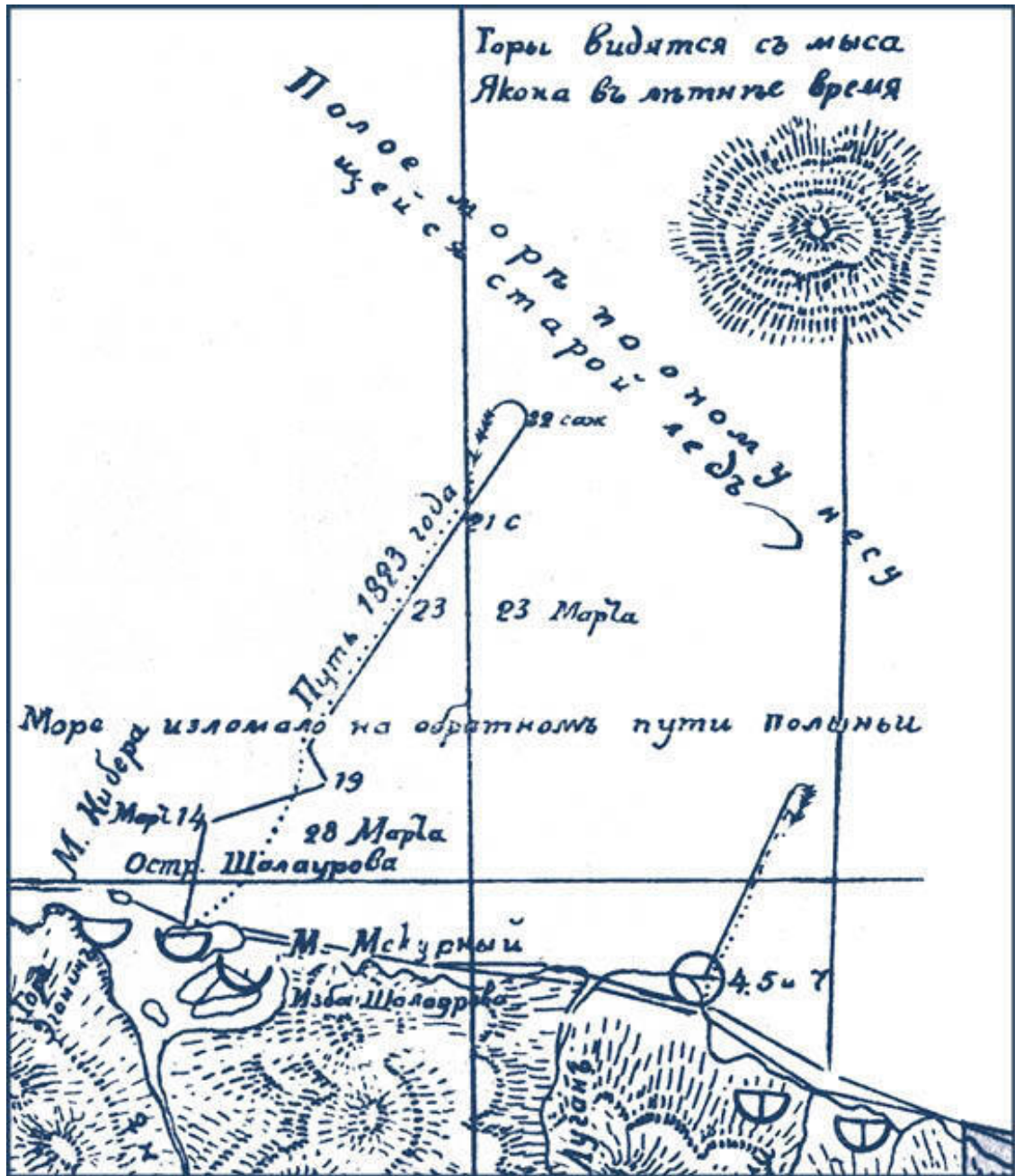
С горестным удостоверением в невозможности преодолеть поставленные природой препятствия, исчезла и последняя надежда открыть предполагаемую нами землю, в существовании которой мы уже не могли сомневаться. Должно было отказаться от цели, достигнуть которой постоянно стремились мы в течение трех лет, презирая все лишения, трудности и опасности. Мы сделали все, чего требовали от нас долг и честь. Бороться с силой стихий и явной невозможностью было безрассудно и еще более – бесполезно. Я решил вернуться»⁵.

Чудом не погибнув, путники вернулись на берег. Еще долго они пытались разглядеть остров. Напрасно. И все-таки на карте, приложенной к первому изданию своих сочинений, под

⁵ Там же. С. 300.

71-й параллелью Врангель нарисовал землю, пометив: «Горы видятся с мыса Якана в летнее время».

А между северной точкой своего маршрута, обозначенного на карте, и предполагаемой землей Фердинанд Петрович пометил: «*Полое море по оному несущейся старой лед*».



Путь Ф. П. Врангеля к острову (Из книги: Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. Изд-во Главсевморпути, 1948).

Теперь о Стефанссоне и Бартлетте.

В 1913 году полярный авторитет Вильялмур Стефанссон возглавил Канадскую арктическую экспедицию. Он покинул на время флагманский корабль «Карлук», чтобы на островах близ Аляски пострелять оленей. Судно, схваченное льдами, словно горшок ухватом, скрылось из его глаз.

Стефанссон прославился книгой «Гостеприимная Арктика», которая в свое время много раз издавалась в США и дважды – в СССР. Его теория, что в Арктике можно выжить с ружьем, теперь, когда «Карлук» остался один на один с Полярным океаном, с треском провалилась. Трагедии следовали одна за другой.

11 января 1914 года льды проломили судно и вода устремилась в трюм. Капитаном «Карлука» был Роберт Бартлетт – опытный полярный исследователь, который всего пять лет назад участвовал на первых ролях в знаменитой экспедиции Роберта Пири к Северному полюсу. Предвидя беду, капитан устроил на льду рядом с «Карлуком» объемный склад продуктов и снаряжения и возвел некое подобие жилья. Люди быстро сошли на лед.

Книга Бартлетта «Последнее плавание „Карлука“»⁶:

*«... я остался на борту, я решил дожидаться конца. <...>
...судно начало резко опускаться, и через несколько минут палубы были залиты водой.
Поставив похоронный марш Шопена, я завел виктролу.
Вода побежала по палубе и хлынула в люки.
Я взобрался на поручни и, когда их края сравнялись со льдом, соскочил.
<...>
Синий флаг канадского правительства взвился на верхушке главной мачты, рассек воду, и судно скрылось. <...>
Я обнажил голову и сказал:
– Прощай, „Карлук“!
Было достаточно светло, и все вышли из ящичного домика и снежной хижины. <...>
Судно было нашим домом многие месяцы, теперь его нет; сделалось тяжело, как бывает, когда теряешь доброго, старого друга».*

⁶ Бартлетт Р. Последнее плавание «Карлука». – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. Здесь и ниже приведены цитаты со стр. 56, 59, 82, 83, 108, 138.

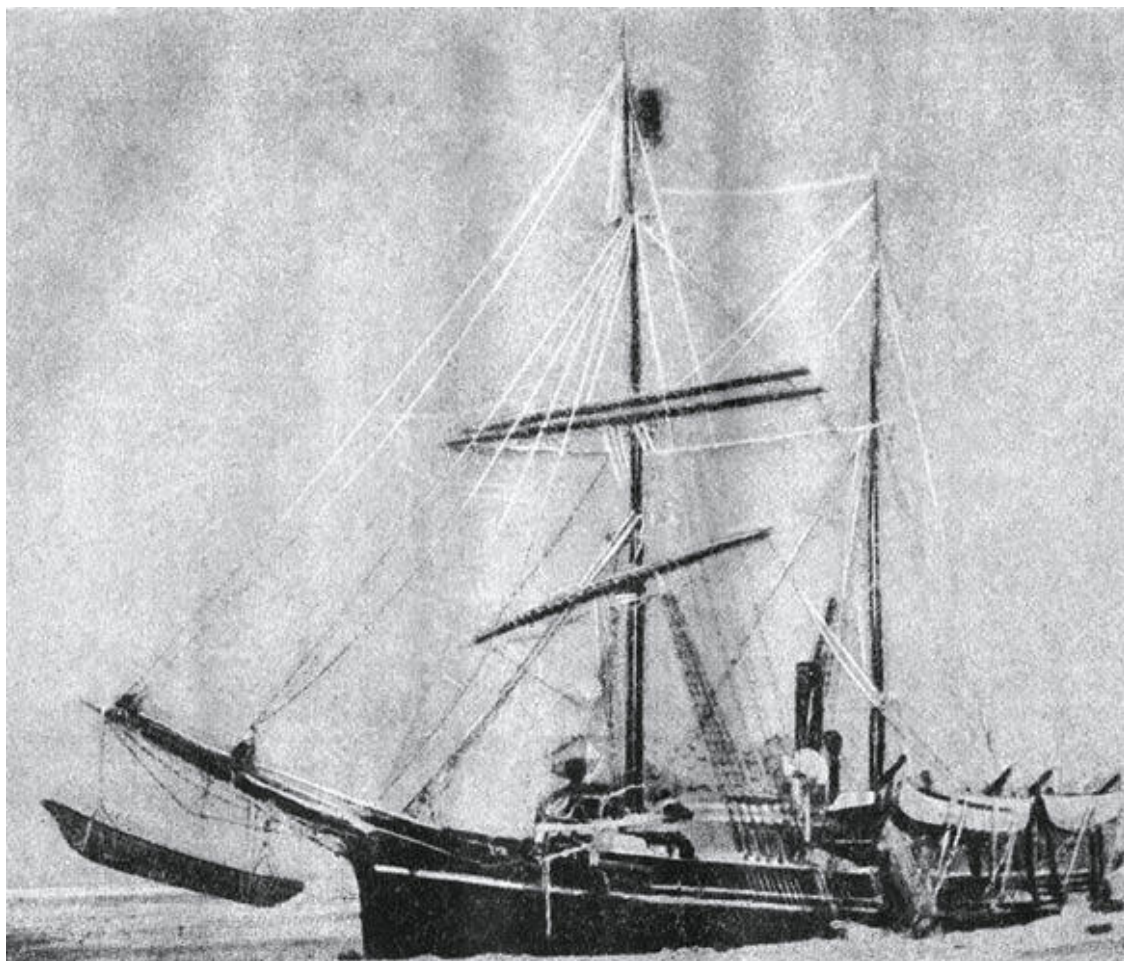


Роберт Бартлетт (The Log of Bob Bartlett (1928; St. John's: Flanker Press, 2006)).

Через 10 дней группа из семи человек ушла из «Лагеря кораблекрушения» к острову Геральд. Трое вернулись, четверо погибли.

4 февраля, вопреки советам Бартлетта, лагерь покинули еще четверо мужчин, направившихся к острову Врангеля. Они исчезли.

24 февраля, ближе к весне, когда светлого времени стало достаточно, Бартлетт дал команду к всеобщему перемещению. Группа состояла из 16 человек, включая двухлетнюю эскимосскую девочку Мугпи. Собаки тащили сани с грузом. Одним из пассажиров был кот – по словам Бартлетта, *«черный, как пиковый туз»*.



«Карлук», зажатый льдами (The Last Voyage of the Karluk. Toronto: Small, Maynard and Company, 1916; фронтиспис).



Мугпи – спасенный ребенок (The Last Voyage of the Karluk. Toronto: Small, Maynard and Company, 1916; стр. 142).

«После аварии, – рассказывает капитан, – когда мы бросали вещи с борта корабля, я распорядился положить кота в корзинку и отнести в ящичный домик. Там он чувствовал себя превосходно. Как-то у него произошло столкновение с собакой, она вошла в ящичный домик, и кот внезапно впился в собачий нос. Собака освободилась и попыталась отомстить. Мы спасли кота, и с тех пор он не трогал собак».

Бартлетт вывел людей на северные косы острова Врангеля. Уже через шесть дней с юным инуитом Катактовиком он ушел на Чукотку, чтобы затем дойти до Аляски и организовать помощь. Беспрецедентный переход Бартлетта по дрейфующим льдам через пролив Лонга начался от мыса Блоссом. В партии было семь собак, которые везли сани с продуктами на 60 дней. С 23 марта по 4 апреля смельчаки были между островом и материком и одновременно – между жиз-

нию и смертью. Поход Бартлетта выглядит абсолютно героическим, ибо этот человек рисковал жизнью ради спасения других. Он такой же герой, как и те советские летчики, которые через 20 лет вывезут из лагеря на льду Чукотского моря людей, спасшихся после гибели ледокола «Челюскин», среди которых, вспомним, была грудная девочка Карина. Те летчики – первые, кто был удостоен звания Героя Советского Союза.

Но это оценка историческая, глобальная; есть и личная, локальная. Бартлетт и Катактовик – единственные люди, кто до нас пересек по льду пролив Лонга. Названная книга Боба Бартлетта стала для меня настольной. Многие строки из нее я вспоминаю, как свои. Например:

«Мы тратили массу времени на переправы через полыньи и особенно на отыскивание мест переправы, часто – в каком направлении мы ни смотрели – не было надежды их найти».

В ту пору, читая и перечитывая книгу, я то и дело возвращался к мысли, что за 58 лет льды в проливе Лонга не изменились.

На побережье американскому капитану трогательно помогли аборигены. *«Ничто не восхищало меня так, как честность и великодушие сибиряков»*, – пишет благодарный Бартлетт.

В начале сентября спасательные суда подошли к острову Врангеля. Трое из тех, кто остался здесь весной, умерли, но одиннадцать человек выжили. Маленькая Мугпи чувствовала себя отлично и принесла на борт черного кота, испытавшего так много опасных приключений, что его возвращение можно считать чудом.

Еще одна печальная и темная страница истории пролива Лонга связана с позорной попыткой Стефанссона колонизировать остров Врангеля⁷. В 1921 году Стефанссон высадил на пустынные берега острова группу под началом канадца Аллана Крауфорда. В нее входили четверо мужчин и повар Ада Блэкджек – инуитская женщина. В соответствии с несообразными принципами Стефанссона припасов оставили в обрез, а охота, к несчастью, не принесла ожидаемых результатов. Крауфорд вместе с зимовщиком Найтом попытался повторить путь Бартлетта, но через две недели они вернулись из-за болезни Найта. Крауфорд снова пошел на юг, уже с двумя другими колонистами, и все трое погибли. Найт умер от цинги, а детали этой трагической истории донесла до людей оставшаяся в живых Ада Блэкджек.

⁷ Стефанссон пытался объявить остров то английским, то канадским. В более позднее время прослыл другом СССР.

Домодедово

Нашу экспедицию провожали. С Анатолием Мельниковым были четверо: мама, супруга, дочка и брат. Вещи переносили к стойкам регистрации, и когда Толя, большой и сильный, уходил с рюкзаком, дочь принималась реветь, а Люда, стесняясь и нас, и свекрови, успокаивала дочку, но, кажется, и сама была готова заплакать. Брат Толи помогал подтаскивать вещи.

По ленте конвейера уползал экспедиционный багаж, а отдельно, у колонны, были сложены бьющиеся и особо ценные предметы: приборы, кинокамера, рации. Их брали с собой в салон самолета. Охранять драгоценности Юрий Хмелевский поручил жене Рите. Она так и стояла отдельно от нас.

Федора Склокина провожали сестра и жена Лена. Обе смотрели на сборы с любопытством. Сам Федор чувствовал себя неуверенно, скованно и, оставаясь словно бы посторонним, похоже, разделял удивление сестры и жены.

С Владимиром Снегиревым была невеста Таня. Взглянув на них, каждый из нас спешил отвести глаза: очень уж печальной выглядела пара перед разлукой. Снегирев к тому же был растерян: получалось, что он должен быть при Татьяне и не может принять участие в общих хлопотах.

Мои – мама Нина Борисовна и жена Татьяна – сторонились, чтобы не мешать, но Татьяна, как и Рита, внимательно наблюдала за происходящим и давала многочисленные советы. Чаще других – двум Володям, Леденеву и Диденко, – наверное, потому, что их никто не провожал. Жена и дочь Диденко далеко – в Усть-Каменогорске, Восточный Казахстан. Он подошел ко мне и предложил купить в самолет шампанского, добавив, что его об этом попросили «мужики». Я про себя вспыхнул: «Что значит „мужики“? У нас нет таких, есть очень разные: Юра, Толя, Федор, Володя Леднев, Володя Снегирев и, наконец, Володя Диденко. Кто попросил?» Я сказал: «Нет, не стоит».

Было раннее утро. Хотелось есть. Мы купили булочек, яиц, сыра, семь бутылок кефира. Багаж укатали, и мы подошли к стеклянным дверям коридора, который вел к взлетному полю. Горько плакала дочка Мельникова, плакала невеста Снегирева. Мы были одинаково одеты: длинные, небесно-синего цвета пуховые куртки, массивные ботинки. Минут через пять в самолет прибежала Татьяна. (Тогда, в 1972 году, такое было возможно.) Юра забыл очки, и Рита передает их ему.

Самолет летел до чукотского поселка Мыс Шмидта, с посадками в Амдерме и Хатанге.

Обязанности

В поселке Мыс Шмидта мы жили с 1 по 7 апреля. Жизнь была насыщенной и размеренной. Утром до завтрака делали зарядку, после завтрака играли в футбол. Где-то между девятью и десятью начинался трудовой день. Дела между нами распределялись четко. Юра Хмелевский отвечал за продукты и делил их на три части: берем с собой, отправляем на остров Врангеля для второй части путешествия, оставляем в поселке Мыс Шмидта как аварийный запас. Еще Юра – штурман. На улице вьюга, но солнце, словно звездочка, висит, и Юра с секстантом подолгу ловит его. Рядом Леденев с хронометром и блокнотом. Он без пуховки, в анорাকে, будто не боится мороза. Капюшон обшит мехом, заиндевел; нос прямой, лицо открытое, смелое – настоящий викинг.

Как-то в гостиницу к нам пришел инструктор Иультинского райкома партии взять интервью для чукотского радио. Я назвал ребят, сказав, кто и где работает, но, видимо, наш интервьюер не все успел записать, и в передаче упоминались только В. Снегирев из «Комсомольской правды» и В. Леденев из Института брожения⁸, впечатляющего своим названием.

У Юры в общем-то нет назначенных помощников, и он просит подсобить тех, кто охотнее откликается, – Леденева и Склокина. Федор на морозе в блестящей пуховке чуть нахохлился и похож на пингвина. На тренировках в Москве и здесь, в поселке, – худощавый, с бородой, он напоминал святого с иконы, а в проливе Лонга – Мальмгрена, как сыграл его в «Красной палатке» артист Марцевич. Красивый, с какой-то печалью. Его официальный статус – спортивный тренер и второй радист (первый – Мельников). Федору Склокину и Володе Снегиреву по 26 лет, нам с Толей Мельниковым 31 и 30, Юре Хмелевскому и Володе Диденко 34 и 35.

Леденев отвечает за снаряжение. Он и Диденко проводят много времени в мастерских аэропорта. Там есть токарные станки, сверла. Коли свободен, к ним присоединяется Федор.

Диденко – медбрат. Здесь, в поселке, руководитель научной программы Хмелевский передал ему перечень простейших физиологических процедур, которые нам предстоят: измерение температуры тела, частоты пульса, объема легких. Имеется и медицинский опросник. Есть вопросы простые: к примеру, сколько за день выпил воды, но есть и сложные – что видел во сне и как объясняешь свои сновидения. В проливе Лонга каждый сеанс вопросов Диденко и наших ответов, записываемых им, был некой психологической разрядкой. С медициной была связана и еще одна забавная проблема: как использовать жвачку? Перед отъездом из Москвы мы прошли санацию, в том числе подлечили зубы. В Центральном НИИ стоматологии один из врачей сказал Снегиреву, что участникам экспедиции зубную щетку по утрам можно заменить жевательной резинкой. Снегиреву идея понравилась, он рассчитал, сколько жвачки нам понадобится на 30 дней, и собственные корреспонденты «Комсомольской правды» прислали товар (тогда очень редкий) из-за границы. Пока мы были в поселке, жвачка пользовалась большим успехом – ею можно было угощать поклонников экспедиции. В проливе ее раздали, и возник вопрос: что, собственно, с ней делать (чистить зубы жвачкой никому не хотелось)? Решили, что каждый может поступить по своему усмотрению. Леденев свою порцию съел, Диденко, кажется, отложил, чтобы угостить жену в Казахстане, Хмелевский, подозреваю, просто выбросил. Мельников свою долю расходовал экономно, расчетливо и уже в конце пути угощал нас, причем самой лучшей – английской жвачкой. Я от своей, как и от прочих излишков, избавился на седьмой день пути, с досадной оказией, о которой речь впереди.

Один из вечеров в поселке мы отвели разговору о будущих научных наблюдениях. Хмелевский распределил между нами приборы, проинструктировав, что и когда делать. К примеру, психрометр попал к Леденеву. Влажность на улице он будет мерить утром и вечером. В палатке

⁸ ВНИИ продуктов брожения.

влажность тоже будет определяться – аж четыре раза в день: утром и вечером, до и после еды, но это задача дежурного. Все обязанности дежурного были оговорены предельно четко, и возня с психрометром не была самой неприятной среди них.

Все, что связано с радио, – забота Мельникова: радиостанция «Недра», усилительный каскад к ней с преобразователем напряжения и стабилизирующим устройством, «солдат-мотор», ЗИП⁹. Антенна крепится горизонтально на лыжных палках – будто плетень вырастает на льдине, который приходится обходить. Еще – приемник «Орбита», необходимый для проверки хронометров, малютка весом 300 граммов, принимающая, кажется, весь мир. Рацию испытали и установили тесный контакт с нашими будущими абонентами – радистами Шмидтовского радиометцентра и военными, подстраховывающими гражданских.

У Снегирева определенных обязанностей нет. Фотоаппараты и у Диденко, и у Леденева, и у меня. Киносъемкой занимаются Леденев и Диденко. Досадно брать на маршрут человека без определенных занятий, но как сотрудник «Комсомольской правды» он сделал очень многое для экспедиции в Москве и здесь, в поселке, все время на чеку: помогал, выступал с рассказами, заводил знакомства, звонил в Москву. Только приходилось сожалеть, что он был в никудышной спортивной форме, сонлив, жаловался на боль в горле, покашливал. Сам себя и нас он успокаивал, что в прошлом году на мысе Челюскин, перед вылетом на Северную Землю, все было похоже: и горло болело, и кашель мучил, и хрипы, и даже над левым глазом нарыв был – тогда значительно больше, чем сейчас, ведь на Челюскине нарыв пришлось вскрыть, а сегодня в этом нужды нет. В первые же дни на Северной Земле болезни прошли. Врачи тогда объяснили все эти воспаления акклиматизацией, нервным и эмоциональным напряжением Снегирева перед первым в жизни экстремальным походом. «И сейчас – то же самое», – говорил Володя. Хотелось, чтобы это было так, но параллель с 1971 годом была не в пользу Снегирева. Тогда, на Челюскине, мы все были слабы, измотаны подготовкой, мучительной дорогой на край земли. На общем фоне его недуги были незаметны. Тут же, на мысе Шмидта, все парни, кроме Снегирева, чувствовали себя великолепно.

Наш тренер, Федор Склокин, да и я, как начальник, очень гордились, что интенсивные спортивные тренировки, начавшиеся в октябре, продолжались всю зиму и достигли пика в феврале. Снегирев же по объективным причинам пропустил более 70 % физкультурных занятий, февральские – полностью. Как корреспондент газеты он побывал на зимних Олимпийских играх в Саппоро, а это каторжная работа. Несмотря на огрехи, Снегирев был включен в команду, и, чтобы подтвердить свое право, он, вернувшись из Японии, включился в экспедиционные дела что было сил. Напряженная жизнь в Саппоро сменилась еще более трудной жизнью в Москве. Плюс – расставание с невестой. Обстоятельства были против Снегирева.

Читатель знает теперь имена членов экспедиции и знает, что каждый из нас будет делать в пути. Еще несколько подробностей. Юра и я – старые друзья, прошли вместе много трудных маршрутов, оба – математики, кандидаты наук, его диссертация признана выдающейся, что случается редко. Я преподаю в МИСиС – Московском институте стали и сплавов, он научный сотрудник ЦЭМИ – Центрального экономико-математического института. Федор – физик, как и я, трудится в МИСиС. Мельников работает в радиотехническом институте КГБ – Комитета государственной безопасности. В ту давнюю пору сообщать эту подробность, конечно, не следовало. Диденко – из Усть-Каменогорска. Он – спортивный деятель, тренер, опытный путешественник и очень силен физически. Приглашен, чтобы усилить команду. Наконец, мы все – участники общественной полярной научно-спортивной экспедиции «Комсомольской правды», и наша общая мечта, да и сформулированная на бумаге цель, – на лыжах достичь Северного полюса; никто в мире такого не делал.

⁹ Запасные части, инструменты и принадлежности.

Наполеон поселка Мыс Шмидта

Самолет Ил-18, на котором мы прибыли, шел обратно в Москву, и в него загрузили 16 медвежат, отловленных для зоопарков. Через пять дней, пролетая над кромкой берега острова Врангеля, мы увидим след вездехода, повторяющий очертания бухт и заливов, и летчики объяснят, что это – медвежатники, добывающие белых зверят и днями объехавшие остров. Медведиц «охотники» усыпляли специальными пулями, а малышей сажали в вездеход. Следующим транспортом для молодняка был Ан-2, теперь же – Ил-18. «Аннушка» снова шла на остров и к вечеру возвращалась в поселок. Мы попросили пилотов взять с собой Диденко, чтобы он увидел льды пролива с воздуха. Сами летчики выразились образно: «Лед словно пропущен через мясорубку – хуже не бывает».

Из Черского пришло письмо с данными последней ледовой разведки, оставленными для нас сотрудниками ААНИИ¹⁰. На схеме была видна огромная полынья у Врангеля. Карта Диденко, появившаяся вечером, ничего не добавила. Я решил, используя одно из гарантийных писем ИМБП¹¹, заказать спецрейс для ледовой разведки. Но прежде нам предстояло познакомиться с командиром ШОАЭ С. М. Австриевским.

Станислав Михайлович появился утром 3 апреля на площадке перед гостиницей, где мы играли в футбол. В поселке его называли Бонапартом, и сам он себя тоже так называл. Коренастый, маленького роста, с большими бесцветными, чуть навывкате глазами, со взглядом то прерзительно-скользким, то детским, наивным. Договорились, что он пришлет за нами машину и в аэропорту в его кабинете мы обговорим предстоящий облет пролива.

Он был хозяин. Но не тот, про которого говорят: хозяйничает, ведет хозяйство, а хозяин-собственник. Будто он купил и аэропорт, и самолеты, и самих людей. Он учил, поучал, ругал и воспитывал, постоянно используя слово: «Понял?» Мы ждали трудного разговора, но совещание прошло без сучка и задоринки.

– Осип, Осип, ты куда пошел? – крикнул Австриевский вдогонку высокому солидному немолодому человеку. – Останься, смотри, кто к нам залетел.

Мы познакомились с Осипом Михайловичем Хайкиным. Австриевский встал из-за стола, подошел к великанской карте Арктики, висящей напротив его стола, и патетично воспел:

– Без нас, летчиков, вам не обойтись. Ну что, Осип, поможем ребятам?

– Надо помочь, – согласился Осип Михайлович.

Станислав Михайлович вызвал летчиков, вернувшихся накануне вечером с острова Врангеля (с ними летал Диденко).

– Мои пилоты сказали, что у самого Врангеля ширина полыньи – 15 километров и она тянется в стороны насколько хватает глаз. – Но, возможно, у самой западной части острова она сужается.

Мы ухватились за соломинку:

– Надо смотреть там.

– Итак, без детальной авиаразведки не обойтись, – удовлетворенно заключил Австриевский.

План был готов. Со Шмидта летим на север, выходим на Врангель посередине между бухтой Сомнительной (поселок Звездный) и бухтой Роджерс (поселок Ушаковский¹²). Идем на высоте 300 метров со скоростью 250 километров в час. С такой высоты, если видимость хорошая, обзор 25 километров. У Врангеля поворачиваем на запад, вдоль берега смещаемся на

¹⁰ Арктический и антарктический научно-исследовательский институт в Ленинграде.

¹¹ Институт медико-биологических проблем Минздрава СССР.

¹² В настоящее время ни Звездного, ни Ушаковского нет.

25–30 километров и галсом, параллельным первому, возвращаемся на чукотское побережье. Снова на запад и снова летим надо льдами к острову Врангеля. Третий раз берем на запад и от мыса Блоссом – юго-западной точки острова – возвращаемся на материк.

Австриевский подсчитал стоимость полета, получилось много. Я подумал, что вот сейчас начнется торг. Попросил пересчитать. Станислав Михайлович проверил: 1080 рублей. Мне не хотелось выходить за тысячу, и цифру округлили за счет увеличения скорости на обратном пути. В нашем распоряжении было четыре часа летного времени самолета Ил-14.

Хороший вопрос: кто из нас полетит? Хотелось всем, но общую четырехчасовую прогулку мы запланировать не могли: слишком много дел на земле. Федор был необходим, потому что он разбирался в ледовых картах. Диденко полетал, Хмелевский и Леденев плохо видят, Мельников занят радио, так что – Склокин, Снегирев и Шпаро.

Я сидел с Австриевским в кабине. Ребята расположились в непривычно пустом салоне. Время вылета – 10:07, курс 354. Австриевский учил нас распознавать лед. Сугробы с застругами он называл розочками. Их лепестки показывают, откуда дуют ветры. Лед при морозе растет в сутки сантиметра на два, и цвет льда зависит от его толщины: черный (нилас) – 5–10 сантиметров, серый (тоже нилас) – 15–20 сантиметров.

Первый канал шириной метров 300 я увидел на 13-й минуте, то есть в 65 километрах от берега. На 120-м километре открылись туманные зубцы гор Врангеля.

Мои записи безрадостные: «Много тонкого льда, вода по курсу, справа чистая вода». И через минуту: «Справа и слева чистая вода. Барашки, плавают льдины, от воды идет пар. Обхода нет». Через 16 минут под самолетом снова нескончаемая полынья: «Насколько вижу, вправо и влево черный нилас. Волны, волны!» Австриевский определил: «Высота волн 80 сантиметров». Это и есть Чукотская прогалина! Прежде чем повернуть на запад, наш командир предложил продвинуться к востоку – посмотреть, не кончаются ли там водные просторы? Об этом непредусмотренном зигзаге я сам хотел попросить, но боялся, что Австриевский не согласится. И хотя справа ничего хорошего мы не обнаружили – полынья только расширилась, настроение было приподнятым. То ли красота льдов пленила, то ли Станислав Михайлович радовал.

Федор заглянул и сказал, что Снегирев спит. Записи Федора были несравненно лаконичнее моих. Там, где я писал: «Поля, сплошь покрытые большими торосами», Федор рисовал треугольник, вставляя в него цифру 8, что означало: торосистость 8 баллов – хаос занимает 80 % площади. Тонкий лед, каналы, кашу из снега и льда – все это он отмечал условными значками: выходит, поднаторел.

– Как идти-то? – спросил я. – Волны видел? Станислав Михайлович говорит – 80 сантиметров.

– Восемьдесят? – не поверил Федор. – А какой внизу ветер?

– С полярной станции передали – 18 метров в секунду. Нормального льда вообще нет. И, главное, две полыньи. А как думаешь, это разные полыньи или они смыкаются к западу?

– Наверное, разные. Ведь между ними 80 километров и старые льды. Я думаю, северные ветры отодвинули лед от Врангеля, а южные сместили лед на север от Чукотки. Ты заметил, – продолжил Федор, – все каналы направлены вдоль пролива. Дрейф стабильный. С востока на запад. Лед перемещается, но поля двигаются с разной скоростью.

Обратный курс 190. Над полыньей неслись 4 минуты. Затем: «По курсу битый лед – плохо». «Вода, каша из льда – очень плохо». «Большие торосы» и т. д. Только за 20 километров от берега вдруг: «Справа хорошо». За 15 километров: «Справа совсем гладко», «До берега 5 километров – лед хороший». Интересно, что холмы на побережье очень похожи на горы Врангеля. Видны дорога в поселок Мыс Шмидта и несколько домиков чукчей. Когда делали вираж, вновь уходя на север, я разглядел на земле большие сломанные сани.

Третий галс, курс 358.

– Наш пролив – что-то вроде аэродинамической трубы. Здесь область постоянного пониженного давления, и ветры словно затягивают сюда, – объясняет Австриевский, будто оправдываясь за пролив Лонга. – Торосы парусят – вот и носятся льдины.

Станислав Михайлович охотно рассказывает о себе. Он из Воронежа и когда-нибудь вернется в родные края. Кстати и нехстати тепло говорит о жене Зое, о дочери-восьмикласснице. Гордится своим значком «Участник СП» и с упоением описывает работу на дрейфующей станции. По отзывам, Австриевский – самоуверенный и наглый. Но у нас ощущение другое – то, что возникло во время знакомства возле гостиницы: он стесняется, в нем какая-то незащищенность.

Последние километры предыдущего галса обнадежили, но снова: «Плохо, плохо, плохо». На 35-м километре один за другим следуют каналы, однако кажется, что справа стало спокойнее. Под нами большой канал, но на востоке он выклинивается. На 70-м километре картина та же, а дальше пошли ровные поля. На 85-м: «Слева лучше». «Лед хороший, слева еще лучше», «Слева хороший лед», «Много воды, но есть обход слева», «Хороший лед, впереди разводье, слева перемычка». На 185-м километре: «Слева виден конец Врангельской полыньи». Все повеселели. Пришел Федор. Наш маршрут прояснился. Думаю, и Федор, и Австриевский, и молоденький голубоглазый штурман, все время сообщавший мне данные о курсе и тоже рисовавший карту ледовой обстановки, и я – все пришли к одному выводу: начинать маршрут надо от брошенных саней на чукотском берегу и идти строго на север. Мы будем правее третьего галса. Где-то в середине пролива, обходя препятствия, будем сдвигаться влево, на третий галс и еще левее, левее и левее.

«Порубаем», – сказал Австриевский. Федор вытащил из кармана пуховки шоколад. Второй пилот достал колбасу, яблочный сок, пирожки. Под самолетом проплыли дома полярной станции мыса Блоссом: большой и несколько маленьких, мачты, метеоплощадка. Австриевский пояснил, что станция работает со второй половины мая. Сюда приезжают три человека на всю навигацию. Я попросил Австриевского пройти к западу, за мыс Блоссом. Станислав Михайлович охотно согласился. Под самолетом был потрясающий мыс Фомы. «Снегирев, Снегирев, смотри!» – закричал я.

К северу от мыса Блоссом лежало необыкновенное лазурное озеро, как пятно масляной синей краски на белом холсте, и сразу за ним 500-метровыми заснеженными скатами сползал в море горный массив, словно плечи гиганта, склонившегося к воде.

Километров 20 мы летели над этой махиной, слева было Восточно-Сибирское море. Я невольно прислушивался – не доносится ли шум торошения, приглядывался – не видно ли, как ворочают нездешние силы миллионнотонные льды. Ничего последовательного, правильного, имеющего хоть какой-то геометрический смысл, внизу не было. Самолет взревел, сделал полукруг и, прибавив скорости, полетел над косой мыса Блоссом, уходящей далеко в море, с высоким черным маяком на краю.

Уже километров 15 мы шли надо льдом, но коса мыса словно бы продолжалась, разделяя сильно торошенные льды справа и серые тонкие льды слева. Следующие 30 километров бурлила каша из снега, льда и воды, затем, словно по мановению волшебной палочки, возникли ровные поля годовалых льдов. В тетрадошке впервые (!) появилось: «Отлично!» Федор заглянул в кабину:

– Здесь и надо идти.

– Решайте. Пройдете пролив за неделю, а последние 50 километров переброшу на вертолете, – предложил улыбающийся Австриевский. – Решайся, Дмитрий Игоревич. Это лучший вариант.

С вертолетом все ясно, тут и думать нечего. Но идти по этим ровненьким полям невозможно, так как дрейф пронесет нас мимо мыса Блоссом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.